

По-моему, друзья, каждая истина открывается человеку лишь тогда, когда он не только понял ее, но и почувствовал, когда она вдруг стала как бы его собственным открытием. Поэтому, начиная разговор о вкусах, я не надеюсь, что под его влиянием хотя бы некоторые из моих собеседников мгновенно изменят свои взгляды. Но, может быть, кое-кого он заставит задуматься, поразмыслить, задать себе вопрос: а прав ли я? И тогда разговор этот, может быть, будет небесполезным...

Зайдите в любую библиотеку и возьмите наугад несколько читательских формуляров. Вы убедитесь, как различны вкусы людей. Один, например, берет подряд все, что написано Паустовским, видимо, «открыв» для себя этого писателя. Другой предпочитает Чехова, третий отличается разнообразием: вчера — Галина Николаева, сегодня — Ремарк, завтра — новый роман Константина Симонова. А четвертый «проглатывает» один за другим детективы из «Библиотечки военных приключений». К сожалению, таких четвертых, вероятно, не намного меньше, чем первых, вторых и третьих...

Так же и в отношении музыки. К сожалению, среди молодежи есть такие, кто решительно отвергает всякую классическую и вообще серьезную музыку и не признает ничего, кроме джазовых мелодий. Я знаю немало бодрых юношей, которые даже гор-

Поговорим о вкусах

Предлагает читателям драматург Виктор РОЗОВ

дятся своим «неприятием» литературной и музыкальной классики. Один мой знакомый, студент МВТУ, любит изрекать не без пафоса:

— Толстой безнадежно устарел. Его читают только по обязанности или из приличия.

Или:

— Чайковский совершенно не созвучен современности!

И невдомек этому студенту, что стыдно козырять своим невежеством.

Широко распространено мнение, что литературные и художественные вкусы — личное дело каждого. Пусть себе сосед читает одни детективы. От этого, мол, никому ни холодно, ни жарко.

Но правильно ли так думать? В наше время все больше людей ставят перед собой высокую цель — жить и работать по-коммунистически. У таких людей сильно развито чувство коллективизма. Им безразлично, как проводят время, чем увлекаются, к чему стремятся их друзья.

Приобщать молодежь к хорошей литературе, музыке, театру — дело почетное и благородное. Но оно не терпит формализма, равнодушия, казенщины. Тут, по-моему, меньше всего пользы принесут всякие заранее запланированные «мероприятия».

Просто прочел хорошую, взволновавшую тебя книгу — не молчи, расскажи об этом друзьям, да так, чтобы им тут же, немедленно, захотелось бежать за ней в библиотеку.

Задуманные разговоры где-нибудь в рабочем общежитии, когда уже погашен свет, но спать еще не хочется, честное слово, принесут иной раз больше пользы, чем какая-нибудь читательская конференция, где все предусмотрено планом и люди выступают по заранее подготовленным шпаргалкам, которые написали для них заботливые библиотекари.

Очень важно иметь хороших, умных друзей, попасть в компанию людей, интересующихся литературой, театром, любящих поспорить о новом кинофильме или картинах, увиденных на выставке. Но нужно помнить: никакие чужие мнения не заменят собственного восприятия искусства. Сколько бы вы ни слушали рассказов об игре, скажем, Астангова или Пашенной, считайте, что вы ничего не знаете о них до тех пор, пока сами не придете в театр и не посмотрите.

Вы лучше поймете Шекспира, если, кроме посещения лекции о нем, прочтете сами

хотя бы монолог Марка Антония из «Юлия Цезаря» или сцену Ричарда и Анны из «Ричарда III».

До поры до времени для любого из нас каждый крупный художник — это клад за семью печатями. И каждый должен сам найти для себя этот клад, который в буквальном смысле слова обогатит вас, сделает чище, лучше, щедрее...

Вкус, как и, скажем, музыкальный слух, можно развить. То, что кажется сейчас трудным и непонятным, со временем станет волнующим, близким. И право же, друзья, не стоит жалеть ни времени, ни труда для того, чтобы один за другим открывать для себя большие и маленькие клады художественного творчества!

Мне, драматургу, а в прошлом актеру и режиссеру, хочется, естественно, поговорить о театре. К сожалению, не секрет, что некоторые юноши и девушки не ходят в театр, в лучшем случае предпочитают ему кино, а в худшем — картежную игру и вечеринки с обилием спиртного. Иной раз недоверие к театру вызвано услышанными где-то словами, что в «театре скучно» и «хороших пьес нынче нету». А бывает, что человеку не повезло: по-

пал на плохой спектакль, и надолго исчез «театральный аппетит».

Основной язык, которым говорит искусство театра, — это язык чувств. Я всегда беспечно, достаточно ли эмоциональна моя пьеса, та или иная сцена в ней. Ведь происходит такая удивительная вещь: все твои чувства, весь их накал, который ты испытываешь в процессе написания пьесы, вкладываются тобой в диалоги, фразы, слова и как бы каменеют в строчках. Ты уже окончил пьесу, тебя волнуют другие заботы, но чувства, которые ты испытывал в процессе написания пьесы, прочно лежат в спокойных и холодных листках бумаги, находясь как бы во временно застывшем состоянии. Но вот к пьесе прикасаются режиссер и актеры — они разбивают камни слов, поднимают вновь эти чувства и переливают в себя, добавляя в них все оттенки своей индивидуальности... Пьеса перешла в актеров. Но и там она находится хотя и в бурлящем, но еще подспудном состоянии. И только когда начался спектакль, пьеса оживает, оживают и твои чувства. Актер как бы бомбардирует ими зрителя, стараясь поразить его в самое сердце. Зритель, особенно искусственный в искусстве теат-

ра, не поддается этой атаке, он соображает, прикидывает, оценивает, сопротивляется. Актеры усиливают атаку, вступают в бой «тяжелые орудия» — сильные сцены, решенные режиссером динамично и ярко. Зритель уже не может спокойно рассуждать, он волнуется — плачет, смеется, начинает неожиданно аплодировать, он уже поражен в самое сердце и... счастлив.

Трехчасовой бой за сердце зрителя и есть настоящая проверка силы пьесы. Успех этого боя зависит в первую очередь от автора. Если он не плакал вместе со своими персонажами, не смеялся их смехом, не предавался отчаянию и глубоким раздумьям, не негодовал, не хитрил, не ревновал, не влюблялся в ту пору, когда писал пьесу, то не спасут его ни режиссер, ни актеры, ни пышное оформление — зритель останется равнодушным, не побежденным.

Но многое зависит и от вас, друзья. Идите в театр с душой, распахнутой навстречу прекрасному. Ведь ничто не может проникнуть сквозь плотно закрытую дверь. Чуткий, восприимчивый зритель помогает развитию театрального искусства.

...Вот и окончен наш короткий разговор. Может быть, кто-нибудь из вас и вспомнит о нем, выбирая книгу в библиотеке или думая, куда пойти вечером.

22 АВГ 1958